

РОДИНА ЕСТЬ ДАР СВЯТОГО ДУХА

В феврале 1917 года в России произошла революция – коренное изменение власти от самодержавия к демократическому правительству. А в октябре – большевистский переворот с незаконным захватом власти. К 100-летию этих событий своими суждениями с «Русской мыслью» поделились представители знатных родов России, родившиеся в эмиграции.

НЕОНИЛЛА ПАСИЧНИК

Князь Александр Александрович Трубецкой, представитель рода Гедиминовичей, сын офицера Императорской гвардии, внук выдающегося религиозного философа Евгения Николаевича Трубецкого. Родился в Париже.

Разделяю точку зрения Ивана Бунина о том, что мы родились не в изгнании, а в послании. Как большинство русских аристократов, мой дедушка, князь Евгений Николаевич Трубецкой, не принял Октябрьский переворот и в 1918 году отправился на юг, охраняемый от вторжения большевиков Добровольческой армией А.И. Деникина. Быть добровольцем Евгению Николаевичу уже не позволял возраст. И, если бы не болезнь тифом, скорее всего, как и его брат Григорий, он бы принял участие в общественной или политической жизни Белого движения. Григорий, как профессиональный дипломат, принимал активное дипломатическое участие в правительстве Деникина – позднее Врангеля. Иными словами – в МИДе правительства вооруженных сил на юге России. Братья Трубецкие отправились на юг России по окончании Поместного Собора 1917/1918, на котором они сыграли главнейшую роль в принятии решения восстановить патриаршество в РПЦ. Это было результатом убедительной речи, произнесенной Григорием Николаевичем. А сам па-

триарх Тихон был избран жребием, т.е. Божьей волей.

Оказавшись в Новороссийске, дедушка заболел и умер в возрасте 56 лет 23 января (5 февраля) 1920 года, в канун эвакуации остатков Белой армии и беженцев из города. Перед смертью его поместили в госпиталь. В этот же день к нему пришел священник, у которого князь исповедался и причастился, после чего сразу впал в кому и два дня провел в бессознательном состоянии. Позже доктор В.В. Богородский в письме жене усопшего – моей бабушке Вере Александровне Трубецкой (рожденной княжне Щербатовой) – сообщал ценные подробности о последних моментах его жизни: «Это было за 3–5 минут до последнего вздоха... Он быстро, как будто торопясь что-то высказать, неразборчиво говорил, бредил. Потом умолк и потом отчетливо и громко сказал: “Пора начинать Великую Литургию, отворите Царские Врата”. А через 3 или 5 минут вздохнул и его не стало».

Место погребения Евгения Николаевича по схематическому плану, сохранивше-

муся у нью-йоркской части семьи Трубецких, находится на бывшем новороссийском кладбище при Свято-Успенской церкви, полностью уничтоженном в 30-е годы прошлого столетия. Сейчас там установлен поклонный крест. Лежит русский религиозный философ с мировым именем – со слов его брата Григория Николаевича – «на последнем краю Русской земли, у моря».

Слово «революция» происходит от латинского “revolvere”, что означает «ход назад». *Революция 1917 года шаг за шагом, с февраля по октябрь, привела Россию к тому, что впослед-*

Князь Александр Александрович Трубецкой

ствии страна под новым названием совершенно уклонилась от духовного наследия и духовной культуры, выработанных на протяжении тысячелетия русским народом!

Хотелось бы напомнить, что должно последовать официальное осуждение большевизма и всего того, что принес этот страшный деструктивный культ. А именно – неучастие России в победе после Первой мировой войны из-за предательства в Брест-Литовске. Развал экономики страны, которую западные эксперты прогнозировали как самую мощную страну в мире с точки зрения экономики в 20-х годах. Варварское убийство царской семьи, что стало началом неслыханного террора, который в разных степенях продолжался до перестройки. ГУЛаги, которые сравнимы только с гитлеровскими концлагерями. Голодомор, унесший жизни лучших людей Отечества, которых не удалось истребить официальным приказом Ленина о красном терроре. Эта трагедия привела к грандиозному Исходу русской эмиграции, породившей большое число бесправных в Европе беженцев!

Крым и Новороссийск были местами, давшими начало русской эмиграции. В Крыму, пусть недолго, но существовало настоящее правительство Петра Николаевича Врангеля в 1920 году. Это правительство в самых тяжелых условиях войны работало на будущее, вводило земельные, финансовые, общественные реформы, а также проводило мудрую внешнюю политику. Врангель и его помощники надеялись, что созданное правительство может стать прообразом для восстановления порядка во всей, тогда неуправляемой России.

10 лет назад внук П.Н. Врангеля обосновал несвоевременность возвращения праха последнего российского правителя из Белграда в Россию. Преждевременное перезахоронение его лишь умалит значение подвига и жертв, как самого Врангеля, так и всех белых воинов,

отдавших самое драгоценное – жизнь – на благо России. Я лично сопровождал прах Деникина и Ивана Ильина, а позднее великого князя Николая Николаевича и считаю, что эти события напомнили России ее историю, судя по массовому присутствию самых простых людей, которые сопровождали прах достойных сынов и защитников Отечества с истинным патриотическим и духовным подъемом. Но точка зрения внука Врангеля важна и приобретает особенную силу сейчас, когда по случаю столетия наблюдается осквернение памятников, имени Государя (фильм «Матильда») и вообще истории России, со стороны потомков тех, кто завел Россию в пропасть, или тех, кто по наивности путает патриотизм и сталинизм.

Родина есть Дар Святого Духа. Национальная духовная культура есть как бы гимн, по слову Ивана Ильина, всенародно пропетый Богу в истории, или духовная симфония, исторически прозвучавшая Творцу.

Александр Андреевич Кочубей, потомок легендарного рода, воспитанного Пушкиным и Чайковским. Родился в Нью-Йорке.

Этот трагический юбилей дает повод процитировать Евангелие о времени разбрасывания камней. Хотя через 100 лет после Октябрьского переворота уместнее было бы воспользоваться легендарной практикой «хромого Тимура» и считать, что настало время «камни собирать», т.е. подсчитывать воинов, которые не вернулись с поля битвы. Но эти разбросанные камни не являются метафорой о мертвых, а теми семенами из которых «проросли сквозь тернии» маяки, созданные сообществом белых русских

Александр Андреевич Кочубей

эмигрантов, чтобы хранить и нести свою культуру за пределами Императорской России. Эти маяки – это храмы, культурные учреждения, такие как консерватория С. Рахманинова в Париже, общественные организации, такие как Ассоциация витезей и дома престарелых, такие как Толстовский фонд в Нью-Йорке или Русский дом за пределами Парижа.

Буду откровенен: как христианин и как человек с совестью я не могу оправдать высокую цену, которую русские люди платили гибелью миллионов и разрушением культуры ради коллективизации и индустриализации. Непропорциональными были и потери жизней во время обеих мировых войн. Поэтому, с моральной точки зрения, 1917 год ничего не искупает, но открывает сонм новомучеников, просиявших святостью! *В тот год зло воцарилось в России.*

Хотел бы отметить, что, несмотря на эти преступления, Белое русское эмигрантское сообщество показало невероятную стойкость к ужасам XX века. В случае с моей семьей в качестве наследия Октябрьского переворота я мог бы предъявить места захоронений как указание на диаспору после 1917 года: Монтевидео, Уругвай; Лозанна, Швейцария,

Сент-Женевьев де Буа, Париж и Ментон, Франция; Висбаден, Германия; Варшава, Польша; София, Болгария; Нью-Йорк, США; Торонто, Канада; Буэнос-Айрес, Аргентина; Флоренция, Италия и т.д., и т.д.

Моя семья Кочубеев, Габричевских, Вырубовых и князей Горчаковых избежала революции и сохранила жизни всех ее членов, поэтому для нас это было новое начало. И, должен отметить, вполне успешное в разных странах во всем мире, за исключением нескольких родственников, оставшихся в Советском Союзе. Этим летом 70 потомков канцлера князя Горчакова собрались возле Мон-Сен-Мишель для воссоединения семьи – и прибыли они из Чили, США и Сингапура. Почти половина семьи по-прежнему остается русской и православной. Все прекрасно знают наши общие русские корни, даже третье поколение!

Октябрь 1917 года не был окончательной датой разрыва с Отечеством для дворян и интеллигенции. Распад имперской структуры и ее людей был длительным процессом. Члены моей семьи – дядя моей бабушки Марии Вырубовой князь Георгий Евгеньевич Львов в России и кузен моего дедушки Василий Васильевич Кочубей – вместе с гетманом Павлом Скоропадским в 1918 году, в течение нескольких месяцев после отречения Романовых, пытались создать Временные правительства-преемники. Моя бабушка Ирина Георгиевна Габричевская вместе со своими братьями и сестрами продолжала жить в Москве до 1922 года. Мой дедушка Сергей Михайлович Кочубей и его братья и сестры оставались активными в Киеве. А мой дедушка, светлейший князь Константин Александрович Горчаков, и его брат жили за пределами Киева в имении Ташан вплоть до исхода в 1918 году. К концу 1917 года моя бабушка Мария Александровна Вырубова вместе с сестрами и мамой были уже в Крыму. Мне представляется, что окончательный разрыв моей семьи с Россией произошел в период между 1918 и 1923 годами.

Граф Алексей Андреевич Стенбок-Фермор, потомок знатного обрусевшего шведско-английского рода. Родился в Париже, долгое время трудился в Киеве, но вынужден был покинуть родину предков.

Хотел бы напомнить, что мои предки всегда верно служили России, начиная с Юрика, моего предка по линии бабушки, княжны Надежды Повловны Щербатовой, супруги моего дедушки, графа Ивана Ивановича Стенбок-Фермора, и оставались патриотами. Моя 80-летняя прабабушка, княгиня Надежда Александровна Барятинская (рожденная графиня Стенбок-Фермор), не пожелала покинуть Россию в ноябре 1920 года из Ялты, где была расстреляна по расстрелянному современному киевскому прокурором «делу 204» об уничтожении высшей аристократии: столбового дворянства – Рюриковичей и Гедиминовичей – по личному распоряжению Троцкого в исполнении Белы Куна. В Крыму память об этих преступлениях покаянно запечатлена в построенной моими родственниками часовне Знамени на набережной Ялты, посвященной расстрелянным в Багреевке аристократам, не пожелавшим покинуть Россию. Среди них были не только пожилые, но и беременные женщины – Ирина Мальцова (рожденная княжна Барятинская), дочь моей прабабушки.

В своем дневнике в Новороссийске и Ялте (1917–1920 годы) старшая сестра моей бабушки, 14-летняя Елена Павловна Щербатова, записала: «Настоящие дети России должны уходить от своей бедной матери из-за безумства других детей, которые рады бы, если можно, погубить свою мать, лишь бы самим нажиться и остаться невредимыми.

И только после виденных казней, пыток, позора или потерь во время революции близкого родственника, проклинают свою, ни в чем неповинную родину и уезжают в чужую страну, чтобы там остаться жить навсегда, забыть Россию и свой родной язык...»

Что касается меня, то, проработав в Киеве семь лет, я уехал в 2015 году в Тегеран. Неисчерпаемым источником о моем родословии и об исторических событиях являются воспоминания моего двоюродного дедушки (брата бабушки), профессора истории в США, князя Алексея Павловича Щербатова, в честь кого я и наречен! Он был современником Октябрьскому перевороту и уже в семилетнем возрасте, как и подобало воспитанию

Граф Алексей Стенбок-Фермор и Александр Кочубей

юного князя, имел довольно зрелые суждения о происходящем. В частности, о Ленине, увидев выступление вождя интернациональных авантюристов с балкона «экспроприированного» дома балерины Матильды Кшесинской, мимо которого юный князь проходил вместе с няней, преданной семье англичанкой мисс Гофф – «Гофочкой», как ее ласково величали князя Барятинские и Щербатовы. Или о государе, позднее в Ялте, когда в присутствии отца девятилетний князь изрек, что царь не имел права на этот шаг как главнокомандующий армией, за что получил замечание: «Как ты смеешь критиковать поступки государя?» Но когда стало очевидно, что страна разваливается и нет сил, способных остановить этот процесс, мой прадед говорил: «Алексей был прав. Что называется – устами младенца...»

Князь-историк был убежден, что для осуществления своей идейно-политической программы Врангель нуждался прежде всего во времени,

которое было не на стороне белых. Успехи большевиков в войне против Польши еще больше укрепили британское правительство в лице Ллойд-Джорджа и его сотрудников в их давнишней склонности идти на соглашение с Лениным. Англичане оказывали давление на Польшу, чтобы она заключила мир с большевиками, и на Врангеля – чтобы он прекратил всякую вооруженную борьбу. Итальянцы тоже склонялись к компромиссу с Лениным. Только США остались верны первоначальной политике, а также Франция продолжала поддерживать Польшу и признавала де-факто правительство Врангеля. К несчастью для России и всего мира, исторический ход событий был слишком стремителен, а люди – запутаны и утомлены. Польша и новосозданные прибалтийские республики прекратили вооруженную борьбу против большевиков. Это позволило большевистскому руководству перебросить освободившиеся огромные силы на юг, против Врангеля, что привело к отступлению и эвакуации армии генерала и большой массы гражданских лиц в Турцию. Попытка американского президента Вудро Вильсона подружить большевиков и белых, проведенная им встреча лидеров на острове Принкипо, успеха не имела. Его предложение о создании коалиционного правительства не вызвало энтузиазма с обеих сторон. А на чужой территории Белое движение начало постепенно терять силы. Очевидно, что Белое движение было реакцией духовно здоровых сил страны на национальное, государственное, политическое и культурное разложение и падение, связанное с

революцией и насильственным захватом власти большевиками-ленинцами, развязавшими в России Гражданскую войну.

Князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский, потомок Юрика, основателя Российского государства, и святого равноапостольного князя Владимира, Крестителя Руси. Родился в Болгарии.

В июле 1917 года, уйдя в отставку, князь Георгий Евгеньевич Львов передает управление Временным правительством в руки Керенского. Таким образом, Октябрьский переворот совершается против правительства Керенского. Мой дядя Николай Васильевич Вырубов – племянник главы Временного правительства князя Львова – оставил воспоминания о тех событиях, общаясь много с очевидцами.

В день отречения императора (14 марта 1917 года) обрушивается именно система, так как его брат, великий князь Михаил, отказался принять престол. Это значит, что правительство, которое назначил

Князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский

император, распадается. Все государственное устройство, построенное на принципе монархизма, исчезает вместе с монархом.

Временное правительство – это некоторое количество депутатов Думы, которые говорят: «Ну, надо же, чтобы кто-то отдавал приказы». И они привлекают людей, до сих пор не причастных к управлению государством – профессоров университета или руководителей крупных военных предприятий, а также князя Львова, являющегося главой Земства, – чтобы те взяли на себя все управление. Действительно, брат императора, отказываясь от престола, говорит: «Я прошу, чтобы Россия созвала Учредительное собрание, и именно решением Учредительного собрания я буду руководствоваться в своих действиях. Если оно призовет меня стать конституционным монархом, я стану монархом; если оно хочет другую систему, мы подчинимся решению Учредительного собрания». Дума обладает только совещательным правом, но не решающим. И с этого момента нет больше власти в России. Эта огромная государственная машина – с армией, с полицией – без управления.

Члены Думы, по просьбе брата императора, готовились созвать Учредительное собрание и не хотели, чтобы глава Временного правительства мог бы повлиять на выборы, потому что все прекрасно знают, что такое власть. Когда воцаряется беспорядок и рабочие внезапно нападают на жилые здания, разоряют и поджигают их, это сразу же необходимо пресечь, даже если приходится стрелять. А кто тогда стал бы стрелять? Ведь уже нельзя использовать армию, вовлеченную в революцию. Ранее офицеры приносили клятву царю. Но уже недостает главного элемента государственного устройства – царя.

Русское дворянство, после падения императора, сталкивается с Октябрьским переворотом, который лишает их всего имущества и выго-

няет из страны, чего не было после революций в Европе. Русские люди были лишены источника их духовной жизни. Имущество уже теряло для них значение. Для русского дворянина он или нет, царь – это национальный символ, как Бог для верующего. Всякий раз, когда происходит встреча с императором, крестьянин говорит ему «ты», в то время как другие говорят ему «Вы», потому что они уже внутренне изменились. Но крестьянин говорит «ты» своему землевладельцу, но не его знакомцам, приходящим к нему в гости, не всем людям; «ты» – своему хозяину, и «ты» – царю, потому что он воспринимает его в какой-то мере как отца. Русский разделяет понятие «царь» и понятие «государство», как он разделяет понятия «Бог» и «церковь».

Когда император говорит: «Нужно воевать!» – страна воюет. Страна идет за императором. Очевидно, что если бы Россия остановила войну в 1917 году, это уничтожило бы огромное преимущество большевиков, позволившее им совершить переворот, потому что Россия тогда потеряла очень много мужчин. Большевики требовали окончания войны уже в течение нескольких лет, потому что они были противниками войны, а также надеялись восстановить контакты с коммунистами Германии, – при этом знали, что их призывы все более и более доходят до населения. Кульминацией распада дисциплины был указ Керенского передать Советам командование армией.

Это лишило Россию возможности продолжать войну против уже истощенной Германии. А также подготовило почву для плана Германии подорвать правительство в России. Хитрый и удачный план Германии (плюс его финансирование еврейскими банкирами) способствовал

Блюдо «деятелей революции».

возвращению Ленина в Петроград и захвату им власти в октябре. Учредительное собрание должно было созвать Временное правительство, чтобы решать судьбу страны, и в марте 1918 года было наконец созвано Лениным. Большинство собрания состояло из социал-демократов и социал-революционеров, выступавших против мер, выдвигаемых большевиками. Ленин, обла-

дающий реальной силой – советами рабочих и солдат, – распустил собрание, запретил политические партии и установил террор.

С Лениным пришли к власти интеллигенты-евреи. Сохранилось очень интересное фарфоровое блюдо 1921 года – «деятели великой Октябрьской революции». На нем 17 подписей: А. Енукидзе, В. Яковлева, В. Володарский, Г. Зиновьев, Л. Троцкий, М. Урицкий, Н. Подвойский, К. Еремеев, А. Рязанов, Н. Крестинский, А. Луначарский, В. Ульянов, Г. Чичерин, А. Коллонтай, Влад. Бонч-Бруевич, С. Гусев, С. Зорин. Русские в меньшинстве. Доминируют евреи. Сталина и Бухарина там нет, что подтверждает их непричастность к центральным событиям в течение четырех лет после Октябрьского переворота. На основании этого уникального документа – подарочного блюда – мы можем утверждать, что Сталин не стоял вместе с Лениным у «колыбели революции», таким образом разоблачив миф об «отце всех народов». «Деятели революции» были интеллигентами, но с очень разными подходами к власти. Это блюдо потом уничтожили. Сохранилось только несколько экземпляров за рубежом, потому что русский революционный фарфор был чрезвычайно дорогим продуктом – его дарили делегациям «левых», которые приезжали в РСФСР, а среди них – и левым англичанам. В Англию попали два таких блюда, одно из которых затем появилось на аукционе «Кристис».

Граф Петр Львович Бобринский, представитель рода предпринимателей и меценатов, потомок премьер-министра П.А. Столыпина, племянник протоиерея Бориса Бобринского. Родился в Париже.

Страдания и унижения революции нам были даны, чтобы мы увидели ту бездну, в которую нас тянули дореволюционные соблазнитель, чтобы мы восхотели Божьего.

Наш народ нуждается в покаянии и очищении, а те, кто уже очистился, должны помочь неочищенным восстановить в себе живую христианскую совесть, веру в силу добра, верное чутье ко злу, чувство чести и способность к верности. Без этого, считал религиозный философ Иван Ильин, Русское государство после неминуемого падения большевизма, «расползется в хлябь и грязь».

Мавзолей Ленина должен быть удален от Алтаря России – Кремля, о чем соборно Зарубежная Церковь высказала свое мнение, имеющее сторонников и среди российского духовенства. Русский человек должен перестать поклоняться чужим идолам и дьяволам, призывал Иван

Петр Львович Бобринский с супругой

Ильин, и «вернуться к себе», к живым и драгоценным корням своей национальной культуры.

Больно сейчас вновь слышать о том, что гонений в сталинские времена на Церковь практически не было. И что храмы закрывались потому, что люди перестали в них хо-

диль, а священники лишились материальной поддержки со стороны государства. По наиболее достоверным данным в 1937 году было расстреляно 80 тысяч представителей духовенства, церковнослужителей и мирян, пострадавших за веру. А ведь не прошло и года с тех пор, как эти люди официально получили полноту конституционных прав. Одним из результатов такой политики стало то, что к 1938 году «церковная организация» оказалась в основном разгромлена. В 1937 году было закрыто более восьми тысяч церк-

вей, ликвидировано 70 епархий и викариатств, расстреляно около 60 архиереев. И если бы не попушечная война с Германией, можно не сомневаться, что советская репрессивная машина истребила бы любые открытые формы церковности в советском обществе. Если при этом учесть, что большинство тех, кто репрессировал, сами рано или поздно становились жертвами репрессий, то картина вырисовывается поистине катастрофической. В среде духовенства тех времен Сталина называли предтечей антихристовым.

Вспоминается надгробное слово протоиерея Василия Виноградова, сказанное в 1928 году в Бельгии, у могилы последнего правителя России – барона Петра Николаевича Врангеля: «Лобызая его священные для нас останки, дадим на них обещание возгревать в себе никогда не угасающую любовь к обездоленной родине и священный огонь непримиримости к сатанинской, богоборческой власти, не идя ни на какие компромиссы и соглашения, от кого бы они ни исходили. В мире надо жить, говорит преподобный Феодосий, с врагами своими, но не с Божиими».

Граф Петр Львович Бобринский и Александр Кочубей